

НАЗАРОВА ЕВГЕНИЯ ЛЬВОВНА / NAZAROVA Evgeniia

Институт всеобщей истории Российской академии наук / Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

ezis08@gmail.com

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР РАСПАДА РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ. ЛАТВИЯ И ЭСТОНИЯ НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ.
1914–1917**

**THE NATIONAL QUESTION AS A FACTOR OF THE COLLAPSE
OF THE RUSSIAN EMPIRE. LATVIA AND ESTONIA ON THE ROAD
TO INDEPENDENCE. 1914–17**

Abstract: The first part of the article outlines the 1914–17 discussion on establishing national autonomies in the non-Russian regions of the Empire when the WWI made the national question extremely urgent both for the central government and national elites. After the collapse of the Empire the Provisional Government did not work out any general programme for solving the problem. The second part analyses the activity of Latvian and Estonian national-democratic leaders for solving the national question in their respective regions. They presented their projects of establishing national autonomies based on democratic principles to the Provisional Government in spring 1917. Although the latter did not approve these programmes in full, the elected National Land Councils started corresponding reforms, while the Bolsheviks who were also present in these Councils made efforts to undermine the creation of autonomies. When Russia was proclaimed the democratic state on September 1 (13), 1917, the federative form of the state was not declared. But despite growing tendency to independence, establishing national autonomies within a Russian Democratic Federal Republic to be proclaimed by the All-Russian Constituent Assembly remained more attractive perspective for the Latvians and Estonians. The dissolution of the Constituent Assembly in January, 1918 marked the end of the hopes for national autonomies within the Russian Democratic Federal Republic. Still, the formation of the Soviet Federative State in spite of the Bolsheviks' previous idea of a unitary proletarian republic, indicated that the Communist authorities had to take into account the peoples' desire for national autonomies. This fact highlights the missed opportunities for the Provisional Government to save the project of the Russian democratic state.

Ключевые слова / Keywords: Российская империя, Латвия, Эстония, Первая мировая война, Временное правительство, Всероссийское учредительное собрание, национальный вопрос, идея автономии / The Russian Empire, Latvia, Estonia, World War I, the Russian Provisional Government, the All-Russian Constituent Assembly, national question, the idea of autonomy

Цель настоящей статьи — проследить, как в течение 1917 г. реализовалась идея национального самоопределения и создания национальной государственности у эстонцев и латышей. Но рассматривая ситуацию в Прибалтийском регионе в 1917 г., надо иметь в виду, что происходившие здесь реформы местного управления были частью движения к национальной самостоятельности

большинства народов Российской империи, хотя и со своей спецификой в каждом национальном районе. Противоречия между имперским центром и нерусскими народами страны, возникавшие с XVIII в. по мере расширения границ империи и включения национальных окраин в единую систему административного управления Российского государства, приобрели особую остроту на фоне мировой войны и явились одним из факторов распада империи.

Характерной чертой развития многоэтнической Российской империи, особенно во второй половине XIX — начале XX в., было постоянно усиливавшееся преимущество титульной русской нации в наиболее важных сферах жизни на национальных окраинах. В основе государственной идеологии в Российской империи со времени правления императора Николая I лежали постулаты т. н. теории официальной народности: «православие, самодержавие, народность»¹. В рамках этой идеологии строилась и политика имперского центра в отношении с национальными окраинами. Причём центральная власть практически не учитывала особенности экономического, социального и культурного развития нетитульных народов.

Вместе с тем уже в начале XX в. стало очевидным, что многие народы национальных окраин страны, в первую очередь западных частей империи и Закавказья, по уровню культуры, образования, ведению хозяйства не только не уступали титульной нации, но нередко и превосходили её. При этом «инородцы» не имели прав самоуправления в своих этнических районах, не могли получать полноценного образования на родном языке, были ограничены в правах владения землей².

¹ *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ / RUSSIA*. М., 1999. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. С. 233–244.

² Некоторые представители социальной элиты нетитульных народов использовались имперской властью в административном управлении их этническими территориями или, чаще, другими национальными окраинами, становясь, таким образом, частью господствующего класса страны и проводником имперской национальной политики. Численно увеличивавшаяся в течение XIX в. интеллектуальная элита нерусских народов, находя применение своим профессиональным навыкам очень часто именно за пределами своих этнических территорий (педагоги, медики, юристы, инженеры, офицеры, др.), становилась частью общегосударственной сословной структуры. Многие представители этих элит предпочитали обрусеть, но другие, национально ориентированные, были носителями сформировавшегося национального сознания своих народов и возглавляли национальные движения. Усиление на национальных окраинах русификации в области административного управления, перевод на русский язык обучения в учебных заведениях всех ступеней и введение русского языка как обязательного во всех сферах жизни местного общества со второй половины XIX в. настроило против империи разные социальные слои «инородцев» и активизировало требования равенства прав наций и народов, входившие в противоречие с основными принципами национальной политики империи. См., например: *Долбилов М. В.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; *Камзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; *Миллер А. П.* Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской

Вопрос о предоставлении прав самоуправления коренным народам окраин империи оказался на повестке дня в российском обществе уже в годы Первой русской революции, в том числе и потому, что нетитульные нации получили возможность посылать своих депутатов в Государственную думу. Появились и первые национальные политические партии. В ноябре 1905 г. вопрос об организации в России «народовластия на началах федеративного строя» на съезде Союза автономистов-федералистов обсуждали представители двенадцати народов империи (включая латышей, литовцев и эстонцев). По конкретным вопросам федеративного устройства согласия на съезде достигнуто не было. Но в обществе активно дискутировался вопрос о необходимости предоставления административных и экономических прав народам национальных окраин на их этнических территориях. Создание национальных автономий представлялось сторонникам автономистов-федералистов необходимым условием дальнейшего существования многонационального государства³. Тема культурной и политической автономии рассматривалась также в прессе отдельных народов, например, латышей и эстонцев⁴. Автономию для Украины требовали депутаты Государственной думы от украинских губерний⁵. В Думе дискутировался вопрос о предоставлении Польше всех тех прав земского и городского самоуправления, которые имели губернии в центре России. Правда, в итоге были приняты решения, не удовлетворявшие поляков⁶.

империи // Россия и Балтия. М., 2004. Вып. 3. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я пол. XVIII–XX в. С. 142–154; Назарова Е. А. Латышские педагоги в России // Интеллигенция в многонациональной империи: Русские, латыши, немцы: XIX — начало XX в. М., 2009. С. 128–220; Nazarova E. Latvians in the Service Class of the Russian Empire // Russia on the Baltic: Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perception (16th–20th Centuries) / Ed. by K. Brüggemann and B. D. Woodwoth. Wien; Köln; Weimar, 2012. P. 331–343; Ованесов Б. Т. Армянская интеллигенция Российской империи в общественной жизни Северного Кавказа (конец XVIII — начало XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ставрополь, 2009. № 6. С. 44–49; Суни А. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982; Суни Р. Г. Национальная политика // Критический словарь русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 617–621 и др.

³ См. об этом: Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы / Ред. И. В. Нам. Томск, 1998. С. 56–57; также: Бодуэн де Куртене П. А. Возможно ли мирное сожителство разных народностей в России? // Отечество: Пути и достижения национальных литератур России: Национальный вопрос. СПб., 1916. Т. 1. С. 9–21.

⁴ A. G. Rašvaldība un autonomija // Balss. 1906. 7. okt. Nr. 214. 2.–3. lpp.; Lazarovskis N. Par autonomiju // Galvas Pilsētas Avīzes. 1906. 27. janv. Nr. 7. 1. lpp.; 31. janv. Nr. 8. 1. lpp. Также: Карьяхарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987. С. 228; Назарова Е. А. Переводы с латышского на русский в эпоху заката империи. 1914–1917 гг. // Россия и Латвия в потоке истории: 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. М., 2015. С. 123–124.

⁵ Тацрова-Яковлева Т. Г. Украинские земли в новое время (середина XVI–XIX вв.) // История Украины. СПб., 2015. С. 256.

⁶ Широкопад А. Б. Польша. Непримируемое соседство. М., 2011. С. 309–310.

Альманах североευропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

В 1907–1914 гг. в России параллельно происходили два процесса: с одной стороны, шло дальнейшее развитие самосознания коренных народов окраин страны и усиливались требования предоставить им на их этнических землях равные с титульной нацией экономические, социальные и административные права⁷, а с другой — в русском обществе, воспитываемом в духе преимущества русской нации, усилилось недовольство требованиями «инородцев». Назревавший конфликт отчетливо проявился в начале 1914 г. в обмене резкими обвинениями на Всероссийском съезде учителей, а также в высказывавшихся в статьях писателя Василия Васильевича Розанова претензиях к «неблагодарным» народам, которые не хотят «растворяться в русском народе». Правда, далеко не вся русская интеллигенция разделяла подобные взгляды, поддерживая развитие всех народов страны⁸.

То, что национальный вопрос — одно из наиболее слабых мест в Российской империи, стало ясно уже в начале войны⁹. После вступления России в войну подавляющая часть национальных элит западных окраин и Закавказья выразила поддержку имперским властям¹⁰. Они, однако, рассчитывали, что после окончания войны в Российской империи будет решен вопрос о самоопределении наций вплоть до создания независимых государств. Показательна в этом плане литовская «Янтарная декларация», в которой Россия названа «освободительницей народов» и в которой говорится, что дружбу между литовским и русским народом «ничто не затмило». Авторы декларации выражали надежду на то, что после победы России над «тевтонским мечом» будут объединены все литовские земли и появится возможность для полноценного развития литовской нации¹¹. Можно сказать,

⁷ Или с той нацией, которая являлась опорой империи в управлении данной национальной территорией. Например, с прибалтийскими немцами в Прибалтийских губерниях, которые не являлись коренной нацией региона.

⁸ См. об этом: *Назарова Е. А.* Переводы... С. 124–125; кроме того: *Её же.* Георг Розе — друг поэта Брюсова: фрагмент из истории создания общероссийского культурного пространства. 1914 г. // *Vēsture: avoti un cilvēki.* Daugavpils, 2018. Vol. XXI. 268.–276. lpp. URL: https://du.lv/wp-content/uploads/2018/01/Vesture_XXI_2018_internets.pdf (30.12.2018).

⁹ О том, как складывались отношения властей России с населением разных регионов империи в связи необходимостью решать национальные проблемы в годы войны, см.: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

¹⁰ *Тауфова-Яковлева Т. Г.* Украинские земли в новое время... С. 258; *Мейнандер Х.* История Финляндии. М., 2017. С. 130; *История Азербайджана* / Ред. Д. Б. Гулиев. Баку, 1979. С. 118; *Бахтурина А.* Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1(14) августа 1914 г. // *Acta historica Klaipedensis.* 2015. Vol. 31. P. 50–51; 20. *gadsimta Latvijas vesture* / Red. V. Bērziņš. Rīgā, 2000. I.sēj. Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918. 540. lpp.

¹¹ *Лауринавичюс Ч., Роуэлл С.* Многовековое соседство: исторические связи Литовского и Русского государств в XIV–XX вв. Вильнюс, 2009. С. 50; *Каспаравичюс А.* Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // *Россия и Балтия.* М., 2015. Вып. 7. Памятные даты и историческая память. С. 256–262.

что для литовцев оказался более предпочтительным выбор ориентации на Россию, а не на Польшу или Германию.

Белорусские национально-демократические лидеры, также ориентировавшиеся на Россию, первоначально отдавали предпочтение восстановлению двуединого белорусско-литовского государства в качестве преемника Великого княжества Литовского. Идея же белорусской государственности оформилась после того, как стало очевидным отсутствие у литовской элиты желания к объединению на равных условиях¹².

Учитывая важность позиции в войне польской элиты и польского народа в целом, главнокомандующий российской армии великий князь Николай Николаевич издал 1 августа 1914 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) манифест, где говорилось о необходимости возрождения Польши под «скипетром русского царя, свободной в языке, вере и самоуправлении»¹³. Но таких довольно туманных обещаний для польских национальных демократов было недостаточно. В июне 1915 г. Николай II созвал польско-литовское совещание по определению будущего польского самоуправления, а в августе того же года председатель Совета министров И. А. Горемыкин объявил о признании польской автономии после войны¹⁴.

Поддержка имперских властей армянскими национально-демократическими кругами в войне была связана с надеждой на полное освобождение Западной Армении от турецкого ига и на объединение армянских земель. Особенно актуальным это стало после массового уничтожения армян на территории Турции в 1915–1916 гг. и бегства тысяч армян через границу в Российскую империю. Правда, ни одна из союзных держав, включая Россию, не давала обещаний предоставить армянам автономию¹⁵.

Надежды на расширение прав самоуправления на национальных окраинах усиливались в связи с тем, что в российской армии сражались представители почти всех народов империи. Кроме того, власти пошли на создание регулярных и добровольных национальных частей в составе российской армии. Всего в первые два года войны в составе российской армии воевали финские (добровольцы), польские, латышские части, татарский (азербайджанский) кавалерийский полк,

¹² Михалюк Д. Литовско-белорусские отношения на территории OBER-OST в годы 1-й мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. М., 2017. Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. С. 59–78; Михалюк Д. Беларуская Народная рэспубліка ў 1918–1920 гг.: Ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015, С. 108–121.

¹³ Бахтурина А. Воззвание великого князя Николая Николаевича. С. 50–55.

¹⁴ Тышовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С.386–387.

¹⁵ История армянского народа: С древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1980. С. 260–269.

кавалерийская дивизия из народов Северного Кавказа, грузинские и армянские добровольческие части¹⁶.

Необходимость создания своих воинских частей весной 1915 г. обсуждалась и в эстонской демократической печати. С таким предложением к лифляндскому губернскому правлению обратился юрист и издатель газеты «Postimees» («Почтальон») Яан Тыниссон. Предполагалось сначала использовать национальные части для оборонительных работ, а при приближении немецких войск и непосредственно в военных действиях. За создание таких частей выступила и русскоязычная пресса в Эстляндской губернии (газеты «Ревельские Известия», «Ревельский вестник»), обвинившая эстонцев в отсутствии патриотизма. Однако эстонская общественность в подавляющем большинстве была тогда против национальных частей, не считая нужным таким образом проявлять свои патриотические чувства. К тому же фронт в тот момент находился далеко от Эстляндии и Северной Лифляндии, и перед эстонцами не стоял вопрос о защите своей земли. К рассмотрению этого вопроса вернулись в конце лета 1916 г. из-за опасения, что германские войска могут вторгнуться на этнические эстонские территории. Но тогда германское наступление остановили, а к созданию эстонских частей приступили лишь в 1917 г.¹⁷

О том, что появление национальных воинских частей воспринималось как шаг к национальной автономии, свидетельствует пример с латышскими стрелковыми батальонами. Для согласования вопроса об их формировании латышская делегация ездила в июле 1915 г. в ставку Северо-Западного фронта. Выступая после возвращения в Петроград перед латышской общественностью, один из членов делегации — депутат IV Государственной думы Янис Голдманис — заявил, что командующий фронтом генерал М. В. Алексеев¹⁸ с пониманием отнёсся к идее предоставления латышам «широкого самоуправления» после окончания войны¹⁹.

Правда, решение властей о создании национальных частей, вопреки тому, как это воспринимали национальные элиты, было вызвано в первую очередь необходимостью постоянно пополнять армию свежими силами. Добровольческие

¹⁶ Паюф А. Эстонские национальные воинские части в русской армии // Россия и Балтия. Вып. 8. С. 35–36; Мейландер Х. История Финляндии. С. 129–131; Армянское добровольческое движение // Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы: Сборник документов и материалов. Ереван, 1995. Вып. I / Сост. Г. А. Абраамян, Т. Г. Севан-Хачатрян. URL: <http://www.genocide.ru/lib/abrahamyan/75-87.htm#80> (30.12.2018); Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте: 1914–1917 г. М., 2014. С. 28, 33–36, 41.

¹⁷ Паюф А. Эстонские национальные воинские части в русской армии. С. 40–43; Зеттерберг З. История Эстонской республики. Таллинн, 2013. С. 39–40.

¹⁸ В августе 1915 г. М. В. Алексеев был назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего.

¹⁹ Silins J. Zināmākais latvietis Petrogradā: Jāņa Goldmaņa politiskā darbība Krievijā un Latvijā // Latvijas Arhīvi. 2015. Nr. 3. 168. lpp. URL: http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zurnalu_raksti/Silins_Zin161-196.pdf (30.12.2018).

части не всегда были хорошо подготовлены в военном отношении. Но среди соплеменников военнотружущие-«иногородцы» воевали лучше, особенно если приходилось защищать их этнические территории.

Поддержка национальных элит была необходима властям империи и в связи с намерениями Германии и её союзников обострить национальные проблемы в России. Германия, Австро-Венгрия и Турция активно вели антироссийскую пропаганду среди народов национальных окраин Российской империи. Германия поддерживала сепаратистские силы в Финляндии и Грузии, где были группы, выступавшие за полную независимость их народов от России. После начала войны грузинские эмигранты создали «Комитет независимости Грузии». В 1915 г. представитель комитета Г. Мачабели, прибыв в Грузию, предлагал при поддержке Германии начать войну против России. А в 1916 г. Комитет опубликовал доклад «Права грузинского народа», в котором обращался к мировой общественности с просьбой помочь Грузии в восстановлении нарушенных Россией условий Георгиевского трактата 1783 г.²⁰

Турция проводила подрывную работу среди населения Азербайджана и Средней Азии. Как полагают историки, восстания в Средней Азии в 1916 г., начавшиеся после объявления о мобилизации местного населения в царскую армию, проходили не без участия турецких и германских эмиссаров²¹.

В Галиции с самого начала войны был сформирован легион украинских сечевых стрельцов, присягнувших на верность Австро-Венгрии и Украине (подразумевалась независимая от России Украина), что было чрезвычайно опасно для Российской империи на фоне национальных выступлений в украинских губерниях страны²². В Финляндии прогермански настроенные представители финской элиты начали тайный набор в германскую армию²³.

Польская элита и в Австро-Венгрии, и в России выдвигала требования по созданию единого государственного образования. В августе 1914 г. в Австро-Венгрии началось формирование Польского легиона. В августе 1915 г. после занятия территории Польши германскими и австрийскими войсками оккупационные власти дали согласие на введение некоторых элементов национально-культурной

²⁰ Новикова И. Н. Германия и проблема финляндской независимости: 1914–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; Мейландер Х. История Финляндии. С. 127; Широкопад А. Б. Грузия: Закавказский тупик? М., 2010. С. 78.

²¹ Паназов А. В. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в его подавлении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 2. С.109–112; Ганин А. В. Кровавые уроки шестнадцатого года: Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 94–124; К истории восстания киргиз в 1916 г. / С предисл. А. Чулошникова // Красный архив: Исторический журнал. 1926. Т. 3 (16). С. 53–75.

²² Таирова-Яковлева Т. Г. Украинские земли в новое время... С. 257–258.

²³ Мейландер Х. История Финляндии. С.131.

автономии (преподавание на польском языке в школах, создание национальной высшей школы и др.). 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия подписали акт («акт двух императоров») о создании на территории Царства Польского Российской империи конституционной монархии, тесно связанной с двумя государствами-основателями²⁴. Очевидно, что решения российских властей в польском вопросе были непосредственно связаны с борьбой за польское общественное мнение.

К концу 1915 г. на занятой германской армией части западных территорий Российской империи (Курляндии, Литвы, белорусских земель в районе между Белостоком и Гродно) был установлен оккупационный порядок *Ober-Ost*. В латышской части Курляндской губернии (Курземе) оккупационная администрация, состоявшая из местных немцев, продолжила проводить политику онемечивания населения, начатую после революции 1905–1907 гг.²⁵ Немецкий язык насаждался как обязательный для общения в губернии. Под жёсткий контроль администрации были поставлены школы, в которых детей начали массированно обучать немецкому языку, с целью заменить им разговорный латышский. Были закрыты латышские общества, ограничено распространение прессы на латышском языке. В других же районах *Ober-Ost'a* германская администрация поддерживала культурную деятельность представителей нерусских национальностей, пытаясь таким образом завоевать их симпатии в противопоставление политике русификации²⁶.

В самой Российской империи в 1915–1916 гг. из западных районов в глубь страны отпоявились около двух миллионов беженцев белорусов, поляков, латышей, литовцев и др. Правительство рассматривало национальные элиты, возглавившие национальные благотворительные организации, как необходимое связующее звено в решении проблем беженцев.

Так что имперские власти, заинтересованные в сохранении лояльности нерусских народов, должны были проводить национальную политику таким образом, чтобы нейтрализовать недовольство и элит, и широких народных масс, особенно там, где часть этнических земель была оккупирована противником.

Следствием надежды национальных элит на то, что их народам может быть предоставлено самоуправление на этнических территориях, стал законопроект об административных правах латышей и эстонцев в Прибалтийских губерниях

²⁴ Тьмановский М., Кеневич Я., Хольцер. Е. История Польши. С. 388–390.

²⁵ После революции 1905–1907 гг. царские власти, испугавшиеся размаха выступлений латышей и эстонцев, пошли на уступки прибалтийским немцам, рассматривая их как опору империи в регионе. Была восстановлена немецкая гимназия, усиливались немецкие общества, в Курляндию начали переселять работников и арендаторов — немцев, вместо выселенных латышских крестьян. См.: Крутников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С.132–137.

²⁶ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 633.–639. lpp.; Михалюк А. Литовско-белорусские отношения на территории OBER-OST... С. 63. *Liulevičs V. G. German-Occupied Eastern Europe // A Companion to World War I /Ed. by J. Horne. Chichester; Malden (MA), 2010. P. 447–463.*

(«Законодательное представление о введении земских учреждений в Прибалтийском крае»), с которым 24 марта 1916 г. на заседании Думы выступил депутат Янис Залитис. Проект подписали 93 депутата Думы от всех национальных окраин и некоторых русских губерний. У проекта оказались сторонники в правящих структурах империи, но в итоге он был отвергнут большинством членов правительства и генералитета как не соответствующий интересам государства²⁷. В качестве некоторой компенсации за отказ принять законопроект и для поднятия боевого духа латышских стрелков им 19 июля 1916 г. было разрешено в особых случаях исполнять национальный гимн, что раньше запрещалось²⁸.

Об основных положениях будущих автономий в национальной прессе много писали ещё до падения империи в феврале 1917 г. Естественно поэтому, что после свержения монархии для многих нетитульных народов Российской империи вопрос о национальном самоопределении был наиболее важным. По замечанию латышской газеты, от Временного правительства требовали самостоятельности во всех национальных районах Российской империи от финнов до бурят на Дальнем Востоке и до народов Туркестана²⁹.

Однако провозглашение России республикой произошло лишь спустя полгода, определение же формы государства было отложено до Всероссийского учредительного собрания. Программы решения национального вопроса в масштабах всей страны у Временного правительства не было. Одним из его первых указов было уравнивание в правах представителей всех наций и конфессий³⁰. Но насущный вопрос о самоопределении народов на своих территориях начали решать лишь для Финляндии и Польши. Уже 7 марта 1917 г. было принято постановление о восстановлении действия конституции Великого княжества Финляндского и расширении прав работы сейма. Вместе с тем ограничения в правах управления сейма, введённые в 1904 г., должны были быть отменены только по окончании войны. При этом возврат к первоначальным положениям конституции Финляндии должен был произойти не автоматически, а после того, как сенат «войдет с соответствующими предложениями» в правительство. Вновь созываемому сенату, если того потребуют обстоятельства, будут переданы из правительства проекты основных законов³¹. То есть права сената были

²⁷ Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века: Сборник документов и материалов / Сост. Т. Карьяхарм. Тарту, 2000. № 51. С. 357–395.

²⁸ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 581. lpp.

²⁹ Mēs prasām Latvijas autonomiju! // Brīvais strēlnieks. 1917. 13. apr. Nr. 2. 1. lpp.; Nacionālo organizāciju vēlēšanās // Ibid. 26. apr. Nr. 10. 1. lpp.

³⁰ Об отмене вероисповедных и национальных ограничений, 20 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. С. 46.

³¹ Об утверждении конституции ВКФ и о применении ее в полном объеме, 7 марта 1917 г. // Там же. С. 23–25.

сформулированы нечётко; предполагалось, что окончательно статус Финляндии будет утверждён на Всероссийском учредительном собрании³².

В начале марта было опубликовано воззвание Временного правительства к полякам, в котором говорилось, что русский народ признаёт «за братским польским народом всю полноту права собственной волею определить судьбу свою». Свободной Польше предстояло возродиться из трёх разрозненных частей. Но окончательно скрепить «новый братский союз и дать своё согласие» на изменение государственной территории России должно было Учредительное собрание³³. Начала работать ликвидационная комиссия по выявлению имущества, принадлежавшего государственным и общественным учреждениям Царства Польского³⁴.

Очевидно, что решение польского вопроса, как и финляндского, диктовалось внешнеполитическими обстоятельствами. Причём Россия выступила сторонником создания единого свободного государства из всех польских земель, и этой новой Польше предлагался «новый братский союз»³⁵. В условиях же продолжавшейся войны такой «братский союз», вероятно, предполагал военную помощь Польскому государству в освобождении земель, находившихся пока под властью Австро-Венгрии и Германии.

Вслед за поляками и финнами на изменения надеялись и другие народы бывшей империи. Но поскольку их требования не были столь актуальными для внешнеполитического положения России в условиях войны, они должны были каждый по отдельности отстаивать перед Временным правительством требования национального самоопределения. При этом до конца сохранялась надежда на провозглашение федеративной республики Всероссийским учредительным собранием, которое первоначально было назначено на октябрь 1917 г.

Важность национального движения для пролетарской революции в России подчёркивали и большевики. Сразу после падения монархии 1917 г. В. И. Ленин выступил за предоставление независимости Финляндии. Но в отличие от планов национально-демократических сил, стремившихся как минимум добиться широкой автономии в Российской федеративной республике, свою ближайшую задачу лидеры большевиков видели в создании социалистического пролетарского

³² Сули Р. Г. Национальная политика. С. 621.

³³ Воззвание Временного Правительства к полякам // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. С. 423, 424.

³⁴ Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского, 15 марта 1917 г. // Там же. С. 273; О дополнении Положения о Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, 10 апреля 1917 г. // Там же. С. 288–289.

³⁵ Воззвание Временного Правительства к полякам. С. 424.

государства. Его лучшей формой, обеспечивавшей свободу народов, они считали государство централизованное³⁶.

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть варианты деятельности по достижению национальной государственности всех наций Российской империи³⁷. Далее подробно остановимся на том, как разные политические силы в Латвии и Эстонии проводили в жизнь свои идеи о будущем национально-государственного устройства на их этнических землях.

Общим в истории латышей и эстонцев было то, что в прибалтийско-немецкой автономии, в которую входили Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии, коренные народы практически не имели прав административного управления, а их права и возможности землепользования были ограничены сохранением помещичьего землевладения остзейского дворянства. Последнее определяло полуфеодалный характер отношений в деревне, несмотря на предпринимаемые полумеры по ограничению прав дворян-помещиков на распоряжение землёй и связанных с этим привилегий.

Разница в положении латышской и эстонской частей региона в годы войны заключалась в том, что почти все латышские земли были оккупированы германской армией ещё до Октябрьского переворота, а эстонские области германская армия заняла только в 1918 г., уже после победы большевиков.

Актуальный для региона «Остзейский вопрос» обострился в Прибалтийских губерниях с началом войны. Депутаты Государственной думы от прибалтийских немцев и значительная часть немецких землевладельцев поддержали российские власти, но были и те, кто приветствовал германскую армию. После начала войны в регионе, особенно в Латвии (в Лифляндской и Курляндской губерниях), имели место многочисленные случаи открытого негативного отношения коренного населения к здешним немцам, спровоцированные в том числе и поведением местных военных и гражданских властей. Появились статьи против местных немцев в национальной и русской прессе Прибалтийских губерний. Агрессивность в отношении немецкого населения усиливалась и в связи с появлением в Северной Латвии многих тысяч беженцев из Курземе. Власти империи выслали многих

³⁶ Позицию большевиков по национальному вопросу в 1914 г. теоретически обосновал В. И. Ленин. Признавая право народов на национальное самоопределение, особенно в имперском государстве, он призывал к добровольному отказу от самоопределения и от полноценного развития наций (в первую очередь, от национального школьного образования) в интересах классовой борьбы пролетариата и пролетарского социалистического государства, которое, лишь будучи единым, может обеспечить подлинное равенство и свободу народов. (*Ленин В. И. К вопросу о национальной политике / Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 25. С. 64–72.*)

³⁷ О роли национального фактора в революции 1917 г. см.: *Шубин А. В. Национальных фактор в революции (1917 год) // Acta historica Klaipedensis. 2015. Vol. 31. P. 120–132.*

прибалтийских немцев в восточные районы страны. Тем не менее существовало опасение, что остзейцы могут стать «пятой колонной». В этих условиях перед властями встал вопрос об изменении политики в регионе в пользу коренных народов³⁸.

В интересах латышских и эстонских землевладельцев в 1915 г. Дума приняла закон «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях», что расширяло возможности для торговли и предпринимательства коренного населения (закон вступил в силу 10 июля 1916 г.)³⁹. Чтобы сгладить национальный конфликт в Эстляндской губернии, здешние немецкие землевладельцы были вынуждены искать контакты с лидерами эстонского национально-демократического движения, предложив им участвовать в органах самоуправления в губернии. Соответствующий законопроект был разработан в 1915 г. под руководством секретаря канцелярии комитета эстляндского рыцарства Б. фон Веттера-Розенталя и Константина Пятса (тогда — главного редактора газеты «*Tallinna Teataja*», или «Галлинский вестник»). Согласно законопроекту, функции самоуправления переходили из компетенции рыцарства к общему земскому собранию, состоявшему из 110 гласных. Но если учесть, что количество гласных распределялось поровну между фракциями крупных и мелких землевладельцев, то преобладание представителей от немецких помещиков становится очевидным. Подобный перекос предполагался и в исполнительных органах⁴⁰. В результате уступки со стороны рыцарства эстонскому населению были минимальными и не удовлетворяли национально-демократические круги, которые продолжали отстаивать идею широкой автономии.

Вопрос о латышской автономии рассматривался осенью 1916 г. на собрании представителей национальной общественности, где основным докладчиком выступал Янис Годманис⁴¹. Тогда же в газетах и журналах на примерах из мировой истории изучался вопрос о том, что такое государственная автономия, а также обсуждались возможные варианты латышской автономии в составе Российского государства. При этом проводилось чёткое различие между стремлением

³⁸ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи. С. 87–98.

³⁹ Карьяхарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. С. 176–177. Особые привилегии владельцев дворянских вотчин оговаривались в Своде гражданских узаконений Прибалтийских губерний (ст. 883, 892). В хозяйственном отношении они имели право: «1. Винокурения, пивоварения и продажи пива и съестных припасов, а также право заводить и содержать корчмы и шинки, согласно с действующими о том постановлениями; 2. Право учреждать в пределах имения местечки и открывать, установленным для сего порядком, рынки и ярмарки; 3. Право именоваться и подписываться владельцем того имения». См. об этом: Андреева Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 56–57.

⁴⁰ Карьяхарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. С. 215–216.

⁴¹ Šilpīņš J. Zināmākais latvietis Petrogradā. 172.–173. lpp.

к автономии, которая должна была остаться в составе единого государства, и сепаратизмом. Были разработаны и основные положения будущей автономии. Причём латышские стрелковые части рассматривались в качестве начала будущих вооружённых сил автономии⁴².

Остававшиеся в не оккупированной германской армией латышской части Лифляндской губернии помещики, в отличие от эстляндских, не предлагали лидерам латышей и эстонцев совместного участия в самоуправлении. Вместе с тем в 1915–1917 гг. латышская национальная элита приобрела большой опыт административно-хозяйственного управления, защищая интересы беженцев. Причём руководящая организация помощи беженцам — Латышский центральный комитет по обеспечению беженцев, имевший более 200 филиалов и ассоциированных с ним общественных структур по всей Российской империи, по роду своей деятельности был в определённом смысле народным правительством⁴³. То есть сложились уже национальные структуры, которые могли быть преобразованы в органы управления будущей латвийской автономией.

После Февральской революции ожидание демократических реформ в России весьма скоро сменилось разочарованием во Временном правительстве. Вопрос о национальной автономии рассматривался всеми латышскими и эстонскими национально-демократическими партиями, выступавшими за создание Российской федеративной демократической республики, в которую Латвия и Эстония вошли бы на правах национально-административных автономий⁴⁴.

Против политической формы национальной автономии выступили лидеры эстонских большевиков во главе с Яном Анвельтом, который, солидаризируясь с русскими большевиками, считал, что конечной целью революции должно стать единое пролетарское государство, а национальные государства приводят к раздроблению возможностей пролетариата⁴⁵. Некоторые эстонские большевики

⁴² См. например: *Freinbergs K. Autonomija // Taurētājs*. 1916. 1. jūn. Nr. 2. 29.–33. lpp.; *Latviešu balss V. Domē // Baltija*. 1917. 15. febr. Nr. 38. 1. lpp.; *Autonomija // Līdums*. 1917. 22. febr. Nr. 45. 1. lpp.; *Kas ir autnomija? // Jaunais Vārds*. 1917. 19. febr. Nr. 42. 1. lpp. и др. См. также: *Germanis U. Nacionālās ideoloģijas attīstība pasaules kara laikā // Germanis U. Ceļā uz Latviju: Raksti par mūsu vēsturi*. Rīgā, 1993. 15.–17. lpp.

⁴³ *Назарова Е. А. Латышский Исход 1915–1917 годов и национальная интеллигенция // История. Электронный научно-образовательный журнал [Электронный ресурс]*. 2017. Вып. 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. URL: <http://history.jes.su> (26.09.2018).

⁴⁴ *Demokratiskā republika.// Jaunais Vārds*. 1917. 12. marts. Nr. 58. 1. lpp.; *Akuraters J. Latvijas autonomijas lietā // Līdums*. 1917. 12. apr. Nr. 82. 5. lpp.; *Autonomijas neiecinātāji // Ibid*. 10. maijs. Nr. 105. 1. lpp.; *Smīni par Latvijas autonomiju // Baltijas Vēstnesis*. 1917. 27. apr. Nr. 18. 1. lpp.; *Mēs prasām Latvijas autonomiju! // Brīvais strelnieks*. 1917. 13. apr. Nr. 2. 1. lpp.; *Ko mēs gribam? // Baltija*. 1917. 7. apr. Nr. 48. 1. lpp.; *Vai Latvijas autonomija ir reakcionāru prasība? // Ibid*. 12. apr. Nr. 53. 1. lpp.; *Граф М. Эстония и Россия 1917–1991: Анатомия расставания*. Таллинн, 2007. С. 42, 45–51.

⁴⁵ *Таммисту К. П. Под всполохом молний: О жизни и деятельности Я. Анвельта (1884–1937)*. М., 1989. С. 73.

высказывали мнение о необходимости объединения всех эстонских земель в одном национально-территориальном образовании в составе централизованного государства. Точно также за объединение трех латышских земель в одном территориальном образовании выступали латышские социал-демократы⁴⁶. При этом большевики допускали отдельные элементы национально-культурной автономии в едином пролетарском государстве. А меньшевики представляли будущую национальную государственность латышей в форме широкой национально-территориальной автономии.

В резолюции латышских большевиков, опубликованной 29 апреля 1917 г. в газете «*Cīņa*» («Борьба»), нежелательность федеративной формы государства обосновывалась сложностями, как экономического развития, так и классовой борьбы пролетариата в таком государстве. В дальнейшем, после победы пролетарской революции, также предполагалось создать унитарное государство, хотя и с элементами культурной автономии наций⁴⁷. Правда, среди большевиков были сторонники и других форм национальной автономии. Например, за право народов на политическую автономию в пролетарском государстве выступал Паулс Дауге⁴⁸. Идею территориально-политической автономии Латвии поддерживал крупнейший латышский поэт Райнис (Янис Плиекшанс), который был близок большевикам по своим социально-политическим взглядам. Он считал, что латыши сначала должны создать свою национальную государственность, а потом уже сами решать судьбу Латвии либо в пользу независимости, либо как часть пролетарского государства. Свои взгляды Райнис излагал как в стихах, так и в аналитических статьях в прессе⁴⁹. За что неоднократно подвергался резкой критике со стороны латышских большевиков, в первую очередь их лидера Петериса Стучки⁵⁰.

Прежде чем проводить политико-административные преобразования, необходимо было выделить из этнически смешанной Лифляндской губернии эстонские уезды и объединить все эстонские земли в единую административно-территориальную единицу. Кроме того, латыши требовали выделить историческую

⁴⁶ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 74; Бахтуркина А.Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной–летом 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 180–184.

⁴⁷ Vēl reiz Latvijas autonomija // *Cīņa*. 1917. 22. apr. Nr. 35. 1. lpp.; 23. apr. Nr. 36. 1. lpp.; 24. apr. Nr. 37. 1. lpp.; Rezolūcija Latvijas pašvaldības (autonomijas) jautojumā // *Ibid*. 29. apr. Nr. 41. 1. lpp.

⁴⁸ *Germanis U.* Rainis revolūcijas laika presē 1917 gadā. // *Germanis U.* Ceļā uz Latviju. 92.–93. lpp.

⁴⁹ См.: *Raiņis.* Kentu kalnu burvis. // *Jaunais Vārds*. 1917. 15. marts. Nr. 1. 1. lpp.; *Idem.* Mums visiem vienas sāpes // *Dzimtenes Vēstnesis*. 1917. 11. marts. Nr. 58. 1. lpp.; *Idem.* Zeme un valsts // *Taurētājs*. 1916. Nr. 7. 3. lpp.; 1917. Nr. 3. 127. lpp.; *Idem.* Atskats uz kadu neizdevušos sabiedrīsku mēģinājumu // *Jaunais Vārds*. 1917. 4. febr. Nr. 29. 1. lpp.; 5. febr. Nr. 30. 1. lpp.; *Idem.* Mēs un mūsu vienotā zeme // *Ibid*. 12. marts. Nr. 58. 1. lpp.

⁵⁰ J. Raiņa vēstule P. un D. Stučkam 22.10.1918 // *Raiņis J.* Literārais mantojums. Rīgā, 1957. Vol. I. 351. lpp.; J. Raiņa vēstule P. Stučkam. 07.11.1918 // *Ibid*. 352.–353. lpp.

область Латгалию (Латгале) из состава Витебской губернии и объединить её с двумя другими историческими землями. На совещании 24 марта в Риге комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Д. М. Щепкина, при участии комиссаров Временного комитета Государственной думы от латышей (Я. Залитиса, Я. Голдманиса) и эстонцев (Яана Рамота), а также других представителей национальной общественности, приняла решение разделить Лифляндскую губернию на латышскую и эстонскую части. Уезды, населённые эстонцами, были переданы Эстляндской губернии. Южная, латышская, часть губернии образовала отдельную губернию, за которой в русских документах осталось название Лифляндская, а в латышских документах она называлась Видземской⁵¹.

Официальное подтверждение раздела Лифляндской губернии было включено в один документ с определением внутреннего устройства и порядка самоуправления Эстляндской губернии в новых границах (Постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии») от 30 марта 1917 г. Пограничные территории со смешанным населением предполагалось разделить совместной согласительной комиссии. При этом уже тогда возникли споры из-за того, кому достанется г. Валка (Валг) с уездом, населённым латышами и эстонцами⁵².

Ранее, 11–13 марта в Таллине (Ревеле) на заседании представителей самоуправления городов и уездов был выработан меморандум с требованием создания Эстонской автономии, который 18 марта представили Временному правительству. В поддержку национально-территориальной автономии 26 марта в Петрограде состоялась демонстрация, в которой участвовало до 40 тысяч эстонцев, включая и эстонских военнослужащих⁵³. Опасаясь, что в ближнем от линии фронта тылу может оказаться нестабильный регион, Временное правительство согласилось на предоставление Эстонии временной автономии, хотя окончательное решение этой проблемы откладывалось до проведения общероссийского Учредительного собрания.

Постановление о временном самоуправлении (слово «автономия» не упоминалось) Эстляндской губернии, которое должно было действовать до начала 1919 г., было подписано Временным правительством 30 марта 1917 г. Согласно Постановлению, ликвидировались все существовавшие ранее органы

⁵¹ Baltijas guberņu sadalīšana // Līdums. 1917. 28. marts. Nr. 71. 2. lpp.

⁵² О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии, 30 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. С. 256; Latvijas un Jgaunijas robežas // Līdums. 1917. 9. apr. Nr. 80. 1. lpp.

⁵³ Зеттерберг С. История Эстонской республики. С. 39–40.

власти в губернии. Управление Эстляндской губернией в границах всех эстонских земель возлагалось на губернского комиссара Временного правительства, имевшего двух помощников. Губернский временный земский совет, который при составлении проекта мыслился как верховный правящий орган в автономии, определялся как «состоящий при комиссаре». На уровне уездов должны были формироваться уездные земские советы, избираемые на основе всеобщих выборов. В выборах могли участвовать все жители автономии, достигшие 21 года. Выборы в Эстляндский губернский временный земский совет должны были быть двухступенчатыми: в сельской местности сначала выбирали выборщиков (один человек от 100 избирателей), а затем выборщики выбирали депутатов в Губернский временный земский совет по уездам (один представитель от 20 тысяч жителей). В городах выборы в Губернский временный земский совет должны были проводиться отдельно от сельской местности, но также из расчёта один представитель на 20 тысяч избирателей или один представитель от маленьких городов⁵⁴. Правда, были ограничения: избирательного права не имели те, кто прожил на территории данного избирательного округа менее года. Последних же было немало, поскольку люди часто меняли местожительства из-за поисков работы.

Принятие Постановления 30 марта было обставлено властями как огромное достижение в решение проблемы эстонской автономии. 9–10 апреля Таллин посетила делегация Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским — тогда министром юстиции. Делегация присутствовала на торжественном собрании эстонской общественности, на котором было подтверждено желание эстонцев остаться в составе Российской демократической республики⁵⁵.

Появление Эстляндского губернского временного земского совета, выражавшего интересы эстонского населения, было важно для развития эстонского самоуправления. Однако совет либо принимал все свои распоряжения и шаги по управлению губернией вместе с губернским комиссаром, либо его самостоятельные решения должны были утверждаться комиссаром. Иначе говоря, полномочия Эстляндского губернского временного земского совета были весьма ограничены. Губернский комиссар после утверждения документов предоставлял их в Министерство внутренних дел. То есть деятельность самоуправления находилась под полным контролем правительства. В Постановлении ничего не говорилось о волостном устройстве и о том, как строить волостное управление. Хотя именно волость являлась местом проживания большинства эстонцев и была тесно связана

⁵⁴ О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии, 30 марта 1917 г. С. 255–258.

⁵⁵ Там же. С.43; *Notikumi Latvijā // Dzimtenes Ziņas*. 1917. 18. jūl. Nr. 54. 2. lpp.

с землепользованием и землевладением. Временное устройство Эстляндской губернии было рассчитано до 1919 г.

Безусловно положительным было разрешение использовать эстонский язык в местных органах управления, хотя сохранялась возможность обращения на русском и немецком языках, поскольку на территории будущей автономии проживали и носители этих языков. Положительным было и то, что губернским комиссаром стал один из лидеров эстонского национально-демократического движения Яан Поска. Это существенно повышало возможности Временного земского совета в управлении губернией.

Подготовка к выборам началась сразу же после утверждения проекта правительственной комиссией, хотя не было официальной публикации Постановления, после которой должно было начаться проведение реформы. Собрание в Таллине 9–10 апреля официально не могло заменить публикацию. Кроме того, не были опубликованы также необходимые в законоприменительной практике правила проведения реформы, которые должны были дать более полное и подробное представление о содержании, порядке исполнения и результатах преобразований. То есть помимо того, что предлагаемые изменения вызвали недовольство у эстонской общественности из-за ограниченности предоставленных самоуправлению прав, существовало ещё и ощущение, что власти хотели не столько ввести самоопределение в губернии, сколько уничтожить структуры остзейской дворянской автономии.

Выборы в Губернский временный земский совет начались уже весной, но только в сельской местности. Из-за спешки и плохой подготовки проведения выборов в них приняло участие менее трети потенциальных избирателей. Выборы в городах состоялись только в сентябре–октябре. Поэтому первое свое заседание 1 июля 1917 г. Эстляндский губернский временный земский совет провёл в урезанном составе. В нём оказались представители разных политических сил, в том числе и пять большевиков. Они начали предпринимать шаги, противоречившие работе новых органов самоуправления. В частности, они сразу же выступили против назначения на должность губернского комиссара Я. Поски⁵⁶. Однако влияние их на работу совета было не слишком заметным.

Без участия делегатов от городов говорить о представительстве в совете интересов городского населения не приходилось. А исполнительный орган

⁵⁶ См.: *Аренс О., Эзергайлис Э.* Прибалтика: Эстония и Латвия // Критический словарь русской революции. С.646.

совета — Временная земская управа Эстляндской губернии — был избран только спустя три недели⁵⁷.

Естественно, что подобный ограниченный характер полученного самоуправления не мог удовлетворить национально-демократические силы Эстонии. Так что партии национально-демократической ориентации уже весной начали разрабатывать основы конституции эстонской автономии в составе федеративной России. Объединителем национальных сил в этом вопросе выступила Эстонская демократическая партия во главе с Яном Тыниссоном и Пээтером Пылдом. 1 мая 1917 г. газета «*Postimees*» напечатала список требований в связи с созданием широкой автономии. Были сформулированы положения о всеобщих гражданских свободах, об основах государственности, о построении суда, о землеустройстве и социальных правах населения. Верховным органом власти в Эстонии должно было стать Национальное собрание. Эстония рассматривалась как полноправный член будущей Российской федерации. Выдвигались требования демократизации всех сфер жизни общества и введение эстонского языка как основного языка в автономии⁵⁸.

Ограниченность утвержденного 30 марта эстонского проекта, который мог рассматриваться лишь как первый шаг к настоящей автономии, отмечалась и в латышской прессе⁵⁹. Тем не менее даже такой успех эстонских демократов давал надежды на возможность получения прав самоуправления в Латвии. Правда, было ясно, что в тот момент можно было рассчитывать лишь на самоуправление, а не на широкую автономию. Но и самоуправление позволило бы решить первоначальные задачи по обеспечению впоследствии перехода к политическому оформлению латвийской государственности в форме широкой автономии. Первый проект конституции Латвийской автономии в составе Российского государства был разработан ещё до падения монархии и опубликован 1 апреля 1917 г. в журнале «*Taurētājs*» («Трубач») ⁶⁰. Но очевидно, что подобный проект в тех условиях был бы отвергнут правительством. Соответственно, следовало ориентироваться на то, что смогли получить от власти эстонцы.

Главным достоинством эстонского проекта лидеры латышских национальных демократов считали признание Временным правительством единого Эстонского

⁵⁷ *Zemtebergs C.* История Эстонской республики. С. 40–41; Igaunijas pašvaldības projekts // *Baltijas Vēstnesis*. 1917. 7. apr. Nr. 2. 2. lpp.; Igaunijas pagaidu pašvaldības projekts // *Ibid*; *Грязин П. Н., Руус М. П.* Юридическая дата рождения Эстонской демократической республики (теоретическая постановка проблемы) // Теоретические проблемы истории права: *Studia juridica* II. Тарту, 1989. С. 116–117. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 847).

⁵⁸ *Граф М.* Эстония и Россия 1917–1991. С. 42–43.

⁵⁹ *Demokratiskas vēlēšanas un buržuazija* // *Ciņa*. 1917. 9. apr. Nr. 25. 1. lpp.; *Vidzemes pagaidu pārvaldes projekts* // *Lidums*. 1917. 16. apr. Nr. 86. 1. lpp.

⁶⁰ *Latvijas satversmes projekts* // *Taurētājs*. 1917. Nr. 2. 122.–125. lpp.

территориально-административного образования⁶¹. Латышский проект также предполагал объединение трех исторических областей, хотя на практике оно могло состояться лишь после освобождения Курземе (Курляндской губернии) от германских войск. Объединителем же латышских областей должна была выступить Видземе как регион, остававшийся тогда ещё не оккупированным германскими войсками.

Ещё 12–13 марта 1917 г., состоялось собрание представителей Видземе, на котором был избран Видземский временный земский совет. На собрании присутствовали и делегаты других исторических областей, в том числе представители оккупированной Курземе (Курляндской губернии), а также организаций беженцев родом из разных областей Латвии. Так что Я. Голдманис, один из инициаторов собрания, характеризовал его как первое Латвийское учредительное собрание⁶².

Единогласно решение о единой Латвийской автономии было принято и на собрании представителей Курземе, избравших Курземский временный земский совет. В связи с оккупацией Курземе собрание проходило 25–28 апреля в Тарту. Правда, в самой оккупированной Курземе ещё в марте 1917 г. местный ландтаг обратился к Вильгельму II с просьбой присоединить область к Германии. А 21–22 сентября 1917 г. там же прошло заседание другого Курземского земского совета (без участия представителей области, находившихся за линией фронта) со значительным преобладанием прибалтийско-немецких помещиков. На нём также было принято решение ориентироваться на Германию. Однако представители Курземе за пределами оккупированной зоны этого решения не признавали⁶³.

В Латгале (Латгалии) по вопросу о присоединении к единой Латвии существовали сильные разногласия; часть лидеров области Латгале требовали создания отдельной автономии, учитывая различия в языке (латгальский диалект, в настоящее время признан отдельным языком балтийской группы⁶⁴), и в историческом развитии. Все же Первый конгресс латгальских городов и волостей 26–27 апреля принял резолюцию о присоединении Латгале к единой Латвийской автономии⁶⁵.

Проект самоопределения для Видземской (латышской Лифляндской) губернии, который в дальнейшем предполагалось распространить на все латышские земли,

⁶¹ Vidzemes pagaidu pārvaldes projekts; Rīgas Ziņas // Brīvais Strelnieks. 1917. 30. apr. Nr. 14. 3. lpp.

⁶² Šiliņš J. Zināmākais latvietis Petrogradā. 174. lpp.

⁶³ См. об этом: 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 581.–604., 639. lpp.; Šiliņš J. Zināmākais latvietis Petrogradā. 174. lpp.

⁶⁴ Брейдак А.Б., Латгальский язык. // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006. С. 193–213.

⁶⁵ Kempis F. Latgales likteņi. Rīgā, 1991. 133.–155. lpp.; 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 591.–596. lpp.

Альманах североευропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

разрабатывался специальной комиссией Временного земского совета с конца марта. В Петроград же латышская делегация привезла проект в конце мая — в те дни, когда в правительстве обсуждали новую реформу земского устройства в России. В связи с этим до латышской делегации дошла информация, что правительство хочет распространить на Балтийские губернии общероссийское положение о земском устройстве, а утверждённый 30 марта проект для Эстонии следует рассматривать лишь как декретное распоряжение правительства, не имеющее законодательной силы.

Стало понятным, почему Постановление 30 марта сразу не сопровождалось публикацией правил о введении его в действие. В создавшейся обстановке обсуждение проекта самоопределения Видземе началось с бурных дебатов между правительственной комиссией и делегациями латышей и эстонцев. Латышские и эстонские делегаты заявили, что у них нет полномочий обсуждать вопрос о земском устройстве, и пригрозили уйти с заседания. Во избежание большого скандала и последующих проблем в важном военно-стратегическом регионе проект эстонского самоопределения был оставлен в силе и дополнен необходимыми разъяснениями. Был также рассмотрен и утверждён проект самоопределения Видземе⁶⁶.

В результате 22 июня был опубликован Указ о введении в действие Постановления 30 марта о временном устройстве местного самоуправления Эстляндской губернии. В добавление к Постановлению 30 марта в Указ включили статьи о порядке выборов волостного схода, волостном управлении и имуществе, а также статьи о дорожных и прочих повинностях и сборах, возлагаемых на сельское население. Тогда же опубликовали и Правила введения самоуправления для Эстляндской губернии⁶⁷.

22 июня датируются также Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний и Правила введения самоуправления для Лифляндской губернии⁶⁸. Вопреки надеждам латышей, а также вопреки названию Постановления

⁶⁶ Vīdzemes Pagaidu Zemes Padomes valdes sēde 6. jūnijā // Jaunais Vārds. 1917. 7. jūn. Nr. 127. 2. lpp.; 9. jūn. Nr. 129. 2. lpp.

⁶⁷ О введении в действие постановления 30 марта 1917 г. о временном устройстве административного управления и местного самоуправления в Эстляндской губернии // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1918. Вып. 2 С. 174–177; Правила о введении в действие постановления Временного Правительства, 30 марта 1917 года, о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии // Там же. С. 178–185.

⁶⁸ Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. С. 185–188; Правила о введении в действие постановления

(для Лифляндской и Курляндской губерний), в документе ничего не говорилось об объединении латышских областей. Статьи Постановления предназначались только для Видземе. Лишь в конце документа было сказано, что всё в нём прописанное должно быть с некоторыми изменениями распространено и на Курляндскую губернию, для которой будут составлены и особые правила для введения в действие⁶⁹. О том, что Видземе и Курземе составят одно территориально-административное образование, сказано не было.

В присоединении же Латгале (Латгалии) комиссия Временного правительства отказала, сославшись на то, что исторические условия развития этой области сильно отличались от Видземе и Курземе, а кроме того, среди населения значительный процент составляли представители других национальностей⁷⁰.

В отличие от эстонского латышский проект предполагал прямые выборы во все советы всех жителей не моложе 20 лет, проживавших в данной местности. При этом срок проживания на одном месте не был ограничен. Один депутат избирался от 15 тысяч человек, а не от 20 тысяч, как в эстонском проекте. То есть предполагалось более широкое представительство коренного населения в органах самоуправления.

Губернский временный земский совет Видземе определялся как действующий не *при* губернском комиссаре (как в эстонском Постановлении), а *наравне* с комиссаром. Губернский совет устанавливал вместе с губернским комиссаром (а не губернский комиссар вместе с советом, как в эстонском проекте) ответственность уездных советов в области земского самоуправления, административного управления и местных сборов. То есть предполагался бóльший, чем в Постановлении для Эстляндской губернии, вес Видземского временного земского совета в решении внутренних дел губернии. Правда, видземский губернский комиссар имел такие же права в объявлении выборов и в связях с правительственными учреждениями, что и Эстляндский совет. В Правилах введения постановлений для обеих губерний различий в главенствующей роли губернского комиссара над советом не было.

Губернским комиссаром был назначен Андрейс Приедкалнс, а его помощником — Карлис Улманис⁷¹. Основным языком общения в Видземе становился латышский, хотя допускалось обращение в административные органы на русском и немецком языках.

Временного Правительства о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской губернии // Там же. С. 189–196.

⁶⁹ Положение о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний. С. 188.

⁷⁰ Vīdzemes Pagaidu Zemes Padomes valdes sēde 6 jūnijā.

⁷¹ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 590. lpp.

Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

По утверждённым правилам, выборы в Губернский и уездные советы Видземе и начало их работы назначались на конец августа. Но на самом деле функции Губернского совета уже выполнял избранный в марте 1917 г. Видземский временный земский совет, в который входили представители разных социальных групп латышского общества. Работа совета стимулировалась постоянным бурлением в обществе. Большое значение имели проходившие летом съезды латышских беженцев и учителей, напрямую связанных с развитием латышской нации. Рассматривались аграрные, школьные и другие проблемы⁷². В начале июля на заседании правления Видземского временного земского совета была избрана комиссия для организации выборов⁷³.

В документах о самоопределении для эстонцев и латышей не упоминалось о последующем утверждении их на Всероссийском учредительном собрании. Тем не менее неудовлетворенная полученными условиями самоопределения латышская и эстонская демократическая общественность, впрочем как и широкие круги других народов бывшей империи, ждали созыва Всероссийского учредительного собрания, надеясь, что на нём Россия будет провозглашена федеративной республикой. Но заявление властей о том, что этот вопрос действительно будет рассмотрен на Всероссийском учредительном собрании, отсутствовало. К тому же уже 9 августа Временное правительство опубликовало решение о переносе выборов в Учредительное собрание на 28 ноября, поскольку во многих регионах страны подготовка к ним ещё не началась⁷⁴. Неопределенность будущего вызвала раздражение и накаляла ситуацию в стране. Появились мнения о необходимости полного отделения национальных районов от России, хотя летом всё же преобладали надежды на автономии.

3–4 июля на Эстонском национальном конгрессе, в котором приняли участие представители разных политических партий (кроме большевиков и эсеров) было принято решение о том, что для развития Эстонии предпочтительнее оставаться в Российской демократической федеративной республике на правах административной национально-территориальной автономии⁷⁵. Аналогичное решение было принято ещё в июне на съезде эстонских военнослужащих. Подобные же постановления приняли в начале октября на съезде Радикально-демократической и Социально-демократической (без большевиков) партий⁷⁶.

⁷² Vīzemes Pagaidu Zemes Padomes valdes sēdes no 4.–7. jūlijām // Jaunais Vārds. 1917. 5. jūl. Nr. 151. 2.–3. lpp.; 6. jūl. Nr. 152. 2. lpp.; 7. jūl. Nr. 153. 2. lpp.; 8. jūl. Nr. 154. 2. lpp.; 9. jūl. Nr. 155. 2. lpp.

⁷³ Noteikumi par Vidzemes apriņķu Zemes Padomju vēlēšanām // Līdums. 1917. 11. aug. 1917. Nr. 182. 3. lpp.

⁷⁴ Satikmes Sapulces atlikta // Ibid.

⁷⁵ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 49; *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. С. 44.

⁷⁶ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 42, 45–49, 51–52; *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. С. 43–44.

Правда, после захвата Риги германской армией и появления прямой угрозы оккупации эстонских островов на закрытом заседании Земского совета Эстляндской губернии 25 августа был рассмотрен вопрос о возможности полного отделения Эстонии от «смертельно больной» России⁷⁷. Но в конце августа сторонников автономии оказалось больше.

В сентябре 1917 г. на Национальном конгрессе в Таллине было подтверждено требование образования Эстонской автономии как равноправного члена в составе Российской федеративной республики. Всероссийского учредительного собрания, где утвердили бы Эстонскую автономию, ждали как последнего этапа революции⁷⁸.

Летом 1917 г. за полное отделение Латвии от России выступили члены Национально-демократической партии, в основном представлявшие творческую интеллигенцию и юристов⁷⁹. Однако лидеры национально-демократического движения, имевшие опыт государственной политической и экономической деятельности — депутаты Государственной думы разных созывов (Я. Голдманис, Я. Залитис, Янис Чаксте), были настроены на последовательные переговоры с Временным правительством и на создание федеративной России. Исходя из собственного опыта, они лучше понимали сложности, с которыми столкнётся Латвия в случае полного отделения от России.

На совещании всех латышских партий и организаций, состоявшемся в Риге 30 июля, была принята резолюция, провозглашавшая: 1) латыши, как и другие народы, имеют право на полное самоопределение; 2) в составе единой Латвии должны быть объединены три исторические этнические области; 3) Латвия должна стать автономной частью Российской демократической республики⁸⁰.

Уже летом 1917 г. в Видземском временном земском совете была создана специальная комиссия, в задачу которой входила разработка основных пунктов проекта конституции Латвийской автономии. Проект был опубликован накануне Октябрьского переворота. При составлении документа за основу был взят упомянутый выше проект, напечатанный в журнале «*Taurētājs*» 1 апреля 1917 г.⁸¹ В территорию автономии должны были войти исторические области Видземе, Курземе и Латгале. Жителям пограничных населённых пунктов с этнически смешанным населением предоставлялась возможность на референдумах решать вопрос о пограничной линии. Латвия виделась как широкая политическая

⁷⁷ *Zemterbergs C.* История Эстонской республики. С. 44.

⁷⁸ *Граф М.* Эстония и Россия 1917–1991. С. 56.

⁷⁹ *Germanis U.* Politiskais noskaņojums latviešu sabiedrībā 1917. Gada sakumā. Autonomijas prasība // *Germanis U.* Ceļā uz Latviju. 23.–24, 80.–81. lpp.; *Nacionāldemokrāti un 18. Novembris* // *Pirmdienas Rīts*. 1927. 21. nov. Nr. 11. 2. lpp.; *Ligotņi J.* Zigfrīds Meierovics: Mūžs, darbs, liktenis. Rīgā, 2001. 43. lpp.

⁸⁰ См.: *Apspriešanās par Latvijas autonomiju* // *Jaunais Vārds*. 1917. 1. aug. Nr. 173. 1. lpp.

⁸¹ *Latvijas satversmes projekts*.

автономия национально-территориального типа со всеми правами законодательной и исполнительной власти на своей территории и как равная составная часть федеративной Российской республики. Кроме того, в проекте конституции упоминались политико-административные и правовые функции, которые автономия должна была делегировать центральной власти⁸².

Но усилия сторонников латвийской автономии наталкивались на постоянно усиливавшееся в массах влияние большевиков. Большевики не отказывались от сотрудничества с национально-демократическими силами (особенно в беженских организациях), последовательно вели борьбу за массы, готовя захват власти и создание единого пролетарского государства⁸³. Рост их сторонников преимущественно среди социальных низов был вызван тяжёлым экономическим положением военного времени, особенно в связи с огромным наплывом беженцев. Активную агитацию большевики вели также в армии, где их влияние с весны 1917 г. значительно увеличилось. 16–17 июля 1917 г. был создан пробольшевистский Исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат)⁸⁴. К концу лета большевики получили преимущество и в Исполнительном комитете латышских стрелков (Исколатстрел), образованном в конце марта 1917 г., хотя сначала большевики там были в меньшинстве. В стрелковых частях обсуждались вопросы об автономии Латвии, но стрелки в основном разделяли позицию большевиков по поводу создания единого пролетарского государства. Правда, ещё в сентябре Исколатстрел опубликовал несколько резолюций, в которых высказывалось требование о формировании российской армии по национальному принципу⁸⁵.

Авторитет большевиков среди населения в самой Латвии был выше, чем среди соплеменников, рассеянных по всей территории страны. В Латвии к концу лета они имели преимущество в Советах народных депутатов. А 13 марта большевики выиграли выборы в городскую Думу Риги. Правда, надо учесть, что в Риге тогда находились примерно 24 тысячи стрелков, участвовавших в выборах⁸⁶. Кроме того, не исключено, что латыши голосовали за социал-демократов (большую часть которых составляли большевики), поскольку видели в них защиту против сильной

⁸² Latvijas autonomija // Cēsu Avīze. 1917. 24. okt. Nr. 11. 1. lpp.

⁸³ Latvijas autonomijas jautājums mūsu sociāldemokrātijas piektajā kongresā // Jaunais Vārds. 1917. 20. jūl. Nr. 163. 1. lpp.; 22. jūl. Nr. 165. 1.–2. lpp.; Mūsu sociāldemokrāti un Latvijas autonomija // Līdums. 1917. 13. okt. Nr. 236. 1. lpp.

⁸⁴ Rīgas strādnieku deputātu Padomes sedē // Jaunais Vārds. 1917. 12. aug. Nr. 183. 1. lpp.; 13. aug. Nr. 184. 1. lpp.; Исколастрел // Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 297.

⁸⁵ Germanis U. Politiskās cīņas saasināšanās un latviešu padomju vara Vidzemē // Germanis U. Ceļā uz Latviju. 61. lpp.

⁸⁶ Par Rīgas pilsētas domes vēlēšanu // Līdums. 1917. 16. aug. Nr. 186. 3. lpp.

общины в городе местных немцев (они заняли на выборах второе место после социал-демократов) — очевидных сторонников германской армии.

Серьёзный удар по возможностям латвийского национального самоопределения был нанесен выборами в Губернский земский совет, в котором приняли участие и одержали победу большевики. Как и эстонские, латышские большевики, планировали через этот популярный в массах орган самоуправления саботировать создание латвийской автономии. Выборы состоялись 20 августа, но из-за начавшегося германского наступления в Риге они не проводились, но проходили в Рижском и других уездах Видземе. А 27 состоялись выборы в уездные земские советы. Явка избирателей в оба дня оказалась значительно меньше, чем рассчитывали национально-демократические партии, исходя из числа участников в состоявшихся ранее выборах в Думы уездных городов. За большевиков голосовали латышские стрелки из расположенных в Северной Латвии частей. Кроме того, перед выборами большевики, как писала газета их главных конкурентов — Латвийского крестьянского союза «*Lidums*» («Подсека»), изменили тактику и перестали открыто выступать против автономии Латвии⁸⁷. Кроме того, в очень тяжёлых условиях войны избирателей в первую очередь привлекали конкретные лозунги большевиков об экономическом и социальном равенстве, а не проблемы национальной автономии. Как итог, по всем уездам в целом социал-демократы (преимущественно большевики) получили больше голосов, чем другие участвовавшие в выборах партии⁸⁸.

С избранием Губернского и уездных земских советов полномочия работавшего с марта Видземского временного земского совета, который был проводником идеи национальной автономии, закончились. Но несмотря на то, что новые Земские советы уже не могли рассматриваться как органы власти будущей автономии, лидеры национально-демократических сил, подавляющее большинство которых находились тогда в российских столицах, продолжали выступать с требованиями объединения латвийских областей и предоставления Латвии национально-административной автономии. Национально-демократические силы (Латышский крестьянский союз, занявший второе место на выборах 20 и 27 августа, Национально-демократическая партия — третье место на тех же выборах, и др.) по вопросу об автономии пользовались поддержкой меньшевиков и эсеров, имевших немало сторонников в народных массах⁸⁹.

⁸⁷ *Latvijas autonomija — un savas kūts augša!* // Ibid. 20. aug. Nr. 190. 1. lpp.

⁸⁸ *Guberņas Zemes Padomes vēlēšanu iznākums Valkā* // Ibid. 23. aug. Nr. 191. 1.–2. lpp.; 27. aug. Nr. 196. 1. lpp.; 29. aug. Nr. 97. 2. lpp.

⁸⁹ О позиции латышских меньшевиков по вопросу автономии Латвии, на чём они настаивали ещё и после разгона Учредительного собрания 6 января 1918 г., см.: *Бартеле Т. Судьба латышских Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3*

За широкую автономию Латвии выступал также Национальный союз латышских военнослужащих, созданный летом 1917 г.⁹⁰ Позже, уже в ноябре, московское отделение этого союза выступило с требованием предоставления Латвии независимости и призвало начать за это борьбу. Осенью в Москве начало формироваться Объединение беспартийных латышских рабочих, которое поддержало демократическую республику и выступило в защиту своей «латышскости» в противовес пролетарскому интернационализму большевиков⁹¹. То есть идея создания национальной государственности пользовалась поддержкой среди латышей.

Несмотря на надежды народов страны, при провозглашении России демократической республикой 1 сентября 1917 г. не были отмечены её многонациональный характер и федеративное устройство. Рассматривая эту не удовлетворившую национально-демократические силы регионов страны ситуацию, надо учитывать, что сторонниками унитарного государства были русские конституционные демократы и представляемые их партией буржуазные круги страны, не говоря уже о русском дворянстве, черносотенцах и т. п. Против национальных автономий выступали и русские жители национальных окраин России⁹². Что касается второй власти в стране, возникшей после падения монархии, — Советов народных депутатов, то на национальных окраинах они поддерживали объединение в одном территориальном образовании разделённых между губерниями национальных территорий своих народов. Определение же политической формы национального образования как в русских, так и в национальных районах, зависело от партийной принадлежности или ориентации депутатов. В русских областях к концу лета 1917 г. имела место большевизация Советов народных депутатов. Соответственно, Советы принимали позицию большевиков, то есть выступали за создание единого пролетарского советского государства⁹³.

Иначе говоря, русская часть населения страны в массе своей по разным причинам не была готова к превращению России в федерацию. Даже если слова А. Ф. Керенского о том, что «Свободная Россия может быть только

национальных организаций Москвы в условиях большевистской власти: 1918–1922 годы // Россия и Балтия. Вып. 8. С. 110–111.

⁹⁰ Latvijas autonomija un — savas kūts augšā!

⁹¹ Полностью политическая программа этой группы была сформулирована уже после Октябрьского переворота. См.: *Бартеле Т.* Судьба латышских национальных организаций Москвы... С. 108, 110.

⁹² См., например: *Kadas lekcijas lasa Baltijas krievi* // *Lidums*. 1917. 31. maijs. Nr. 121. 1. lpp.

⁹³ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 597.–598. lpp.; *Бахтурина А. Ю.* Изменение административных границ. С. 180–183.

децентрализованной»⁹⁴, действительно соответствовали его взглядам на будущее страны, реальной поддержки по этому вопросу он в своём окружении не имел.

8–15 сентября в Киеве прошло Совецание представителей народов России («съезда порабоцённых народов»), на котором присутствовали делегаты от партий и организаций разной политической ориентации из всех национальных районов страны. На нём подавляющим большинством голосов была принята резолюция «О федеративном устройстве Российского государства» с требованием признать Россию федеративной демократической республикой. Высказывалась надежда на то, что федеративное устройство Российской республики будет закреплено на Всероссийском учредительном собрании⁹⁵. Против решения совещания выступили большевики, отстаивавшие в дебатах создание единой коммунистической республики. Но такая точка зрения не нашла поддержки у большинства делегатов⁹⁶.

19 сентября на приеме у А. Ф. Керенского латышская делегация среди прочих вопросов пыталась обсудить и объединение Видземе и Латгале. Но Керенский разговора на эту тему постарался избежать⁹⁷.

Официально выборная кампания во Всероссийское учредительное собрание началась в августе 1917 г., когда проводить выборы на оккупированной части латвийских земель было невозможно. В этой связи особое внимание национально-демократические лидеры уделяли голосованию сотен тысяч латышских и латгальских беженцев, разбросанных по всей территории Российской империи. При этом они добились того, чтобы предвыборный материал в местах массового расселения латышей по всей империи печатался по-русски и по-латышски⁹⁸.

В Эстонии большевики имели очень большое влияние в гарнизонах Тарту и Таллина и во флотских экипажах, а также среди безземельных и малоземельных крестьян. По вопросу о будущем Эстонии большевиков поддерживали левые эсеры⁹⁹. Накануне Октябрьского переворота большевики получили преобладание в Ревельском (Таллинском) совете, а также в подавляющем числе Советов на территории Эстонии. Правда, реально судить о настроениях эстонцев по этим показателям сложно, поскольку среди военнослужащих, участвовавших в выборах, большинство составляли представители русского и других народов страны.

⁹⁴ См.: Съезд народов и областей России (Съезд Народов, Федеративный Съезд, Съезд порабоцённых народов России) 1917 // Конституанта [Электронный ресурс]. URL: https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1917_4.html (31.07.2018).

⁹⁵ Krievu laikrasti par republikas izsludināšanu // Līdums. 1917. 8. sept. Nr. 206. 1. lpp.; Ko darīt Krievijas mazajām tautām? // Ibid. 9. sept. Nr. 207. 1. lpp.; Революционное движение в России в сентябре 1917: Общенациональный кризис. М., 1961. С. 527–528.

⁹⁶ Līgotni J. Zigfrīds Meierovics. 42.–43. lpp.

⁹⁷ Ibid. 44. lpp.

⁹⁸ Latviešu valodā vēlēšanas uz Satversmes Sapulci // Latviešu Bēgļu Apgādāšanas Centrālkomitejas Ziņojums (далее — Ziņojums). 1917. 19. okt. Nr. 69. 1. lpp.

⁹⁹ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 67–69.

После Октябрьского переворота большевики стали единственной правящей партией в стране. Соответственно изменилось и соотношение возможностей большевиков и национально-демократических сил. Именно в это время национально-демократические силы при поддержке населения предприняли последние попытки заявить о своих правах на власть в Эстонии и Латвии и о создании высшего органа государственного управления.

После установления советской власти в Петрограде губернский комиссар Временного правительства Я. Поска вынужден был передать власть в Таллине Эстонскому военно-революционному совету во главе с Иваном Рабчинским и Виктором Кингисепшом.

Следующим шагом было наступление на национально-демократические структуры. 13 ноября председатель исполкома Эстонского военно-революционного совета заявил о роспуске Эстляндского губернского земского совета. В ответ 15 ноября Эстляндский совет объявил себя верховной властью в Эстонии до созыва Эстонского Учредительного собрания. Совет был переименован из Эстляндского губернского земского совета в Земский совет Эстонии. Создалась некая неопределенная ситуация, когда от участия во Всероссийском учредительном собрании официально не отказывались, но и не была принята декларация, которая подтверждала бы намерение Эстонии стать частью Российской демократической федеративной республики¹⁰⁰. Само изменение названия Земского совета символизировало своего рода разрыв с Россией и её губернским административным устройством¹⁰¹.

После этого собрания в эстонской газетой «*Postimees*» была напечатана декларация Земского совета Эстонии об эстонской независимости. Согласно ей, вся власть в Эстонии переходила в руки Земского совета, который призывал жителей игнорировать распоряжения и приказы Исполкома рабочих и солдатских депутатов, как не имеющие ничего общего с эстонским народом. Причём, публикуя указанное сообщение, редакция газеты действовала вопреки приказу Исполкома, заявив, что на территории Эстонии вся власть принадлежит местным учреждениям самоуправления. А при попытке конфисковать тираж газеты едва не произошло вооружённого столкновения между посланными Исполкомом латышскими стрелками и прибывшими на защиту газеты эстонскими частями¹⁰².

¹⁰⁰ Там же. С. 69–70, 74–75; *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. С. 45–47.

¹⁰¹ В эстонской историографии есть мнение, активно поддерживаемое в 1920–1930-х гг., о том, что дату 15 ноября можно рассматривать как дату образования Эстонской демократической республики. См.: *Грязин И. Н., Руус М. П.* Юридическая дата рождения Эстонской демократической республики. С. 112–122.

¹⁰² Подробно о событиях сообщили и латышские газеты. См., например: *Mazas tautas. Igaunijas patstāvības deklarācija // Laika Vēstis. 1917. 24. nov. Nr. 43. 1. lpp.*

Фактически в Эстонии установилось двоевластие, хотя решающий голос был всё же у большевиков. При этом обе власти согласились провести Эстонское учредительное (конституционное) собрание 21–22 января 1918 г. Большевики согласились и на выборы (в ноябре 1917 г.) эстонской делегации на Общероссийское учредительное собрание.

После того как большевики взяли власть в стране, национально-демократические силы не питали больших надежд на установление в России федеративной демократической республики. Лозунг о создании независимой Эстонской демократической республики выдвинула на своем съезде 10–11 декабря 1917 г. Эстонская партия труда. Но Совет старейшин Эстонского Земского совета всё же надеялся осуществить план эстонской автономии в федеративной России, тем более что существовала угроза оказаться в полном подчинении у Германии. Хотя и в случае выбора независимости было очевидно, что Эстония сама не сможет преодолеть ни внешние, ни внутренние проблемы, которые неминуемо возникнут в новом государстве. К тому же эстонская национально-демократическая элита не имела опыта государственного управления. Поэтому рассматривалась возможность объединения с Финляндией, уже получившей независимость. Кроме того, члены Земского совета были направлены в страны Скандинавии и Западной Европы, чтобы выяснить возможные варианты поддержки Эстонского государства с их стороны в случае объявления независимости последнего¹⁰³.

Ещё в сентябре по инициативе лидеров латышского национального движения было решено создать Латвийский временный национальный совет (ЛВНС), который выработал бы единую позицию по вопросу об автономии объединенной Латвии на Всероссийском учредительном собрании. На конец октября было назначено Организационное собрание для формирования ЛВНС, на которое планировали избрать делегатов от исторических областей, всех политических партий, латышских стрелков, беженцев, а также от действовавшего с середины сентября в оккупированной Риге Демократического блока. Но из-за Октябрьского переворота Организационное собрание смогли провести лишь 16–18 ноября 1917 г. в Валке, уже в условиях большевистской власти в Видземе. На нём утвердили состав Временного национального совета и приняли Декларацию об образовании единой автономной демократической Латвии в границах трех исторических областей Видземе, Курземе и Латгале. Было принято также решение о подготовке к Латвийскому учредительному собранию.

¹⁰³ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 75–80; Земтерберг С. История Эстонской республики. С. 44; Igaugu stāvoklis // Dzimtenes ziņas. 1917. 12. okt. Nr. 82. 1. lpp.

Хотя речь на собрании шла лишь об автономии Латвии в составе России, в сложившихся политических условиях не исключалось и создание в дальнейшем независимого Латвийского государства. На одном из первых заседаний Временного национального совета было решено послать делегацию за границу, чтобы выяснить, как в западных странах отнесутся к независимой Латвии и можно ли ожидать от них поддержки, в том числе и против планов Германии включить всю территорию Латвии в зону своего господства¹⁰⁴. О необходимости образования независимого Латвийского государства в конце ноября заявил и один из лидеров национально-демократических сил Зигфридс Анна Мейеровицс¹⁰⁵.

Против национально-территориальной автономии на Организационном собрании выступили большевики, бывшие тогда уже правящей партией в стране¹⁰⁶. Власть большевиков на не оккупированной части Латвии держалась в основном благодаря поддержке армии. Большевики пользовались большим влиянием в стоявшей в Видземе 12-й армии, а также в 1-й и 5-й армиях, расположенных в Латгале, то есть могли опереться на военную силу для удержания своей власти. Вместе с тем Временный национальный совет имел здесь поддержку у местного населения. Чтобы полностью нейтрализовать влияние Временного национального совета, большевики провели 16–18 декабря в Валмиере съезд Советов рабочих, стрелковых и безземельных депутатов, на котором была провозглашена советская власть в Латвии и объявлено о создании Латвийской советской республики. Причём последняя была не только признана декретом СНК Советской России, но к Латвийской советской республике была присоединена выделенная из Витебской губернии Латгале. Иначе говоря, советское правительство учло стремление латышей к объединению и сделало то, от чего отказывалось Временное правительство. Правда, значительная часть латгальской интеллигенции, поддерживавшая создание единой Латвии, не приветствовала присоединение Латгале именно к советской Латвийской республике¹⁰⁷.

Большевики выступили против выборов на Латвийское учредительное собрание. А едва ли не первым актом новой власти было закрытие демократических газет «*Līdums*» и «*Laika Vēstis*» («Вести времени»), оценивавших действия

¹⁰⁴ Latviešu Pagaidu Nacionālā Padome // Ziņojums. 1917. 6. nov. Nr. 70. 1. lpp.; Visiem latviešiem! // Ibid. 8. dec. Nr. 72. 3. lpp.; Apspriede Latvijas satversmes sapulces sasaukšanas lieta // Līdums. 1917. 30. nov. Nr. 274. 1.–2. lpp.; Latviešu pagaidu Nacionālpadomes sēdē // Ibid. 5.–6. lpp.; *Līgotņu J. Zigfrīds Meierovics*. 52. lpp.; *Germanis U. Latviešu pagaidu Nacionālā Padome* // *Germanis U. Ceļā uz Latviju*. 79. lpp.

¹⁰⁵ *Бартеле Т. Судьба латышских национальных организаций Москвы...* С. 109.

¹⁰⁶ Mūsu lielnieki — pret Latvijas Satversmes sapulce // Līdums. 1917. 30. nov. Nr. 274. 1. lpp.; 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 611. lpp.

¹⁰⁷ Советская Латвия./Под ред. П. П. Ерана, З. Я. Бланки и др. Рига, 1985. С. 182–183; *Kemps F. Latgales likteņi*. 156.–157. lpp.

большевиков как начало конца демократии¹⁰⁸. Был распущен и Временный национальный совет.

Хотя было уже достаточно ясно, что у большевиков и национально-демократических лидеров имеются разные представления о дальнейшей судьбе Латвии, оставалась ещё слабая надежда на Общероссийское учредительное собрание как на высшую стадию развития русской революции¹⁰⁹.

Ещё в преддверии Общероссийского учредительного собрания представители разных национальных партий приняли предложение членов «Союза защиты Учредительного собрания» (в него входили в основном правые эсеры, также меньшевики, народные социалисты, кадеты и представители других организаций) о возможной защите Учредительного собрания военными силами «военных дружин национальных меньшинств». Прийти к единому решению не удалось. Описывавший это событие правый эсер Борис Соколов называет его курьёзным и анекдотичным по своему замыслу¹¹⁰. Но сам факт таких переговоров указывает на то, что национальная элита рассматривала национальную территориально-административную автономию в составе федеративной демократической России как наиболее удобный вариант существования для своих наций. Кроме того, это обстоятельство свидетельствует в пользу предположения, что если бы Временное правительство вовремя объявило о создании демократической федеративной республики с разработкой основных положений конституции на Учредительном собрании, то оно могло бы получить политическую и военную поддержку наций по укреплению своей власти.

Выступившие 5 января 1918 г. на Учредительном собрании представители от Эстонии (Ю. Сельмаа от Эстонского земского совета) и Латвии (Я. Голдманис от АВНС) первостепенной задачей Российской демократической республики считали освобождение занятых германской армией эстонских островов и областей Латвии. По словам Ю. Сельмаа, после освобождения островов эстонцы подтвердят на своём Национальном учредительном совете право на самоопределение и намерение «мирного сожительства с братским народом Великороссии». Я. Голдманис, в свою очередь, говорил о необходимости объединить все латышские области и об искреннем стремлении латышского народа «к политической свободе и автономии Латвии»¹¹¹.

¹⁰⁸ Gala sakums // Līdums. 1917. 1. dec. Nr. 275. 1. lpp.

¹⁰⁹ Viskrievijas Satversmes sapulces vēlēšanas // Ibid. 2. lpp.; Cēļa jūtis // Ibid. 2. dec. Nr. 276. 1. lpp.; Cīņa par un pret Satversmes sapulci // Ibid. 5. dec. Nr. 278. 1. lpp.

¹¹⁰ Соколов Б. Защита Всероссийского учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIII. С. 37–38.

¹¹¹ Учредительное собрание. Россия, 1918: Стенограмма и другие документы / Сост. Т. Е. Новицкая. М., 1991. С. 151–153.

Разгон большевиками Учредительного собрания 6 января 1918 г. поставил точку в планах национально-демократической элиты нетитульных наций империи образовать свои автономии в составе Российской федеративной демократической республики и ознаменовал окончательный распад многонационального Российского государства. Большевикам потребовались огромные силы для восстановления большей части территории бывшей империи военным путем.

Вместе с тем отказ большевиков от прежних намерений создать единое пролетарское государство, образование ими федеративного (союзного) советского государства (хотя и при всестороннем контроле из центра федерации), свидетельствует о том, что идея широкой автономии поддерживалась разными социальными слоями бывших национальных окраин Российской империи. Курс национально-демократических лидеров народов страны на независимость с конца 1917 г. был вызван стремлением отделиться не от Российского государства как такового, а именно от нового коммунистического государства. В свою очередь, развитие национальной идеи в среде нерусских народов страны в 1917 г. позволяет судить об упущенных возможностях Временного правительства, изначально не готового (как не было в основном готово и русское общество) к реформированию многонационального Российского государства в федеративную республику.

Список литературы

Андреева, Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века / Н. С. Андреева // Вопросы истории. — 2002. — №2. — С. 56–57.

Аренс, О. Прибалтика: Эстония и Латвия / О. Аренс, Э. Эзергайлс // Критический словарь русской революции : 1914–1921. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 644–652.

Армянское добровольческое движение // Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы : сборник документов и материалов. — Ереван : «Арересум»-АНИ, 1995. — Вып. I / сост. Г. А. Абрамян, Т. Г. Севан-Хачатрян. — С. 96–97. — URL: <http://www.genocide.ru/lib/abrahamyan/75-87.htm#80>. — (30.12.2018).

Бартеле, Т. Судьба латышских национальных организаций Москвы в условиях большевистской власти. 1918-1922 годы / Т. Бартеле // Россия и Балтия. —

Москва : Весь Мир, 2017. — Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. — С. 108–128.

Бахтурина, А. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1(14) августа 1914 г. / А. Бахтурина // Acta historica Klaipedensis. — 2015. — Vol. 31. — С. 46–72.

Бахтурина, А. Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной-летом 1917 г. / А. Ю. Бахтурина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». — 2017. — №4 (10). — Ч. 2. — С. 177–185.

Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 388 с.

Брейдак, А. Б. Латгальский язык / А. Б. Брейдак // Языки мира. Балтийские языки. — Москва : Academia, 2006. — С. 193–213.

Вортман, Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века / Р. Вортман // РОССИЯ / RUSSIA. — Москва : ОГИ, 1999. — Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. — С. 233–244.

Ганин, А. В. Кровавые уроки шестнадцатого года : восстание 1916 г. в Семиреченской области / А. В. Ганин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2016. — № 1 (7). — С. 94–125.

Граф, М. Эстония и Россия 1917–1991 : анатомия расставания / М. Граф. — Таллинн : Argo, cop., 2007. — 536 с.

Грязин, И. Н. Юридическая дата рождения Эстонской демократической республики (теоретическая постановка проблемы) / И. Н. Грязин, М. П. Руус // Теоретические проблемы истории права : Studia juridica II. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1989. — С. 116–117. — (Ученые записки Тартуского государственного университета. — Вып. 847).

Долбилов, М. В. Русский край, чужая вера : этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. В. Долбилов. — Москва : НЛО, 2010. — 1000 с.

Зеттерберг, З. История Эстонской республики / З. Зеттерберг. — Таллинн : KPD, 2013. — 399 с.

Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века : сборник документов и материалов / Сост. Т. Карьяхарм. — Тарту : Eesti Ajalooarhiiv, 2000. — 402 с.

Исколастрел // Военный энциклопедический словарь. — Москва : Военное издательство Министерства обороны Союза СССР, 1986. — 863 с.

История Азербайджана / Ред. Д. Б. Гулиев. — Баку : ЭЛМ, 1979. — 304 с.

История армянского народа : с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Г. Нерсисяна. — Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1980. — 458 с.

Карьяхарм, Т. Э. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. / Т. Э. Карьяхарм. — Таллин : Ээсти Раамат, 1987. — 309 с.

Каспаравичюс, А. Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века / А. Каспаравичюс // Россия и Балтия. — Москва : Наука, 2015. — Вып. 7. Памятные даты и историческая память. — С. 253–274.

Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. — Москва : Наука, 2005. — 380 с.

Крупников, П. Я. Полвека истории Латвии глазами немцев / П. Я. Крупников. — Рига : Авотс, 1989. — 315 с..

Лауринавичюс, Ч. Многовековое соседство: исторические связи Литовского и Русского государств в XIV–XX вв. / А. Лауринавичюс, С. Роуэлл. — Вильнюс : LII Leidykla, 2009. — 63 с.

Масловский, Е. В. Мировая война на Кавказском фронте, 1914–1917 г. / Е. В. Масловский. — Москва : Вече, 2014. — 543 с.

Мейнандер, Х. История Финляндии / Х. Мейнандер. — Москва : Весь Мир, 2017. — 237 с.

Миллер, А. И. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи / А. Т. Миллер // Россия и Балтия. — Москва : ИВИ РАН, 2004. — Вып. 3. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи : 2-я пол. XVIII–XX в. — С. 142–155.

Михалюк, Д. Литовско-белорусские отношения на территории OBER-OST в годы 1-й мировой войны (1915–1919) / Д. Михалюк // Россия и Балтия. — Москва : Весь Мир, 2017. — Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. — С. 59–78.

Міхалюк, Д. Беларуская Народная рэспубліка ў 1918–1920 гг. : ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Д. Міхалюк. — Смаленск : Інбелкульт, 2015. — 496 с.

Назарова, Е. Л. Латышские педагоги в России / Е. Л. Назарова // Интеллигенция в многонациональной империи : русские, латыши, немцы : XIX — начало XX в. — Москва : ИВИ РАН, 2009. — С. 128–220.

Назарова, Е. Л. Переводы с латышского на русский в эпоху заката империи : 1914–1917 гг. / Е. Л. Назарова // Россия и Латвия в потоке истории : 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2015. — С.123–144.

Назарова, Е. Л. Латышский Исход 1915-1917 годов и национальная интеллигенция / Е. Л. Назарова // История. Электронный научно-образовательный журнал. — 2017. — Вып. 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. — URL: <http://history.jes.su>. — (26.09.2018).

Назарова, Е. Л. Георг Розе — друг поэта Брюсова: фрагмент из истории создания общероссийского культурного пространства. 1914 г. / Е. Л. Назарова // Vēsture: avoti un cilvēki. — Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2018. — Vol. XXI. — 268.–276. lpp. — URL: https://du.lv/wp-content/uploads/2018/01/Vesture_XXI_2018_internets.pdf. — (30.12.2018).

Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России, начало XX в. : документы и материалы / ред. И. В. Нам. Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 1998. — 205 с.

Новикова, И. Н. Германия и проблема финляндской независимости : 1914–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Ирина Николаевна Новикова. — Санкт-Петербург, 1998. — 20 с.

Ованесов, Б. Т. Армянская интеллигенция Российской империи в общественной жизни Северного Кавказа (конец XVIII — начало XX века) / Б. Т. Ованесов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2009. — № 6. — С. 44–48.

Папазов, А. В. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в его подавлении / А. В. Папазов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». — 2012. — № 2. — С.109–112.

Пагор, А. Эстонские национальные воинские части в русской армии / А. Пагор // Россия и Балтия. — Москва : Весь Мир, 2017. — Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. — С. 34–58.

Революционное движение в России в сентябре 1917 : Общенациональный кризис. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 631 с.

Советская Латвия : Латвийская Советская Энциклопедия / гл. ред. П. П. Еран. — Рига : Латвийская Советская Энциклопедия, 1985. — 810 с.

Суни, А. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. / А. В. Суни. — Ленинград : Наука, 1982. — 158 с.

Суни, Р. Г. Национальная политика / Р. Г. Суни // Критический словарь русской революции : 1914–1921. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 617–623.

Таирова-Яковлева, Т. Г. Украинские земли в новое время (середина XVI — XIX вв.) / Т. Г. Таирова-Яковлева // История Украины. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. — С. 100–259.

Таммисту, К. И. Под всполохом молний : о жизни и деятельности Я. Анвельта (1884–1937) / К. И. Таммисту. — Москва : Политиздат, 1989. — 270 с.

Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. — Москва : Весь Мир, 2004. — 542 с.

Широкоград, А. Б. Грузия : закавказский тупик? / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2010. — 414 с.

Широкоград, А. Б. Польша : Непримириное соседство / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2011. — 437 с.

Шубин, А. В. Национальный фактор в революции (1917 год) / А. В. Шубин // Acta historica Klaipedensis. — 2015. — V. 31. — С. 120–132.

20. gadsimta Latvijas vesture / red. V. Bērziņš. — Rīgā : Latvijas vēstures institūta arhāds, 2000. — I.sēj. Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918. — 869. Lpp

Çermanis, U. Ceļā uz Latviju : raksti par mūsu vēsturi / U. Çermanis. — Rīgā : Memento, 1993. — 252 lpp.

Kemps, F. Latgales likteņi / F. Kemps. — Rīgā : Avots, 1991. — 198 lpp.

Līgotņū, J. Zigfrīds Meierovics : mūžs, darbs, liktenis / J. Līgotņū. — Rīgā : Valters un Rapa, 2001. — 157 lpp.

Liulevicius, V. G. German-Occupied Eastern Europe / V. G. Liulevicius // A Companion to World War I / ed. by J. Horne. — Chichester ; Malden (MA) : Wiley-Blackwell, 2010. — P. 447–463.

Nazarova, E. Latvians in the Service Class of the Russian Empire / E. Nazarova // Russia on the Baltic : Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perception (16th–20th Centuries) / ed. K. Brüggemann and B. D. Woodwoth. — Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 2012. — P. 331–343. — (Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte 22).

Šiliņš, J. Zināmākais latvietis Petrogradā : Jāņa Goldmaņa politiskā darbība Krievijā un Latvijā / J. Šiliņš // Latvijas Arhīvi. — 2015. — № 3. — Lpp. 161–194. — URL: http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zurnalu_raksti/Silins_Zin161-196.pdf. — (30.12.2018).